

УДК 323.3(575.2)

DOI: 10.36979/1694-500X-2026-26-3-198-208

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ДОСТИЖЕНИЯ, ВЫЗОВЫ
И НАПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ**

Е.В. Рылова

Аннотация. Анализируются эволюция и современное состояние государственной политики в сфере гендерных отношений в Кыргызстане. Рассмотрены ключевые законодательные реформы, институциональные механизмы и стратегические документы, направленные на обеспечение равенства мужчин и женщин. Оценены достижения в области здравоохранения, образования, экономики и политического участия, а также выявлены нерешённые проблемы – домашнее насилие, ранние браки, экономическое и цифровое неравенство. В заключении предложены направления дальнейшего развития гендерной политики до 2030 года, включая правовую, экономическую и культурную трансформацию.

Ключевые слова: гендерное равенство; государственная политика; насилие; ранние браки; экономика; цифровизация; лидерство женщин; Кыргызстан.

**КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНДАГЫ ЖЫНЫСТЫК МАМИЛЕЛЕР
ЖААТЫНДАГЫ МАМЛЕКЕТТИК САЯСАТ: ЖЕТИШКЕНДИКТЕР,
КӨЙГӨЙЛӨР ЖАНА ӨНУГУУНУН БАГЫТТАРЫ**

Е.В. Рылова

Аннотация. Бул макалада Кыргыз Республикасындагы гендердик саясаттын өнүгүү тарыхы, учурдагы абалы жана келечектеги багыттары талданат. Изилдөөдө аялдар менен эркектердин тең укуктуулугун камсыз кылууга багытталган мыйзамдык жана институционалдык чаралар каралган. Саламаттыкты сактоо, билим берүү, экономика жана саясат тармактарындагы жетишкендиктер менен бирге, үй-бүлөлүк зомбулук, эрте нике, санариптик жана экономикалык теңсиздик сыяктуу көйгөйлөр белгиленет. Макалада 2030-жылга чейинки гендердик саясаттын өнүгүү багыттары сунушталат.

Түйүндүү сөздөр: гендердик теңчилик; мамлекеттик саясат; зомбулук; эрте нике; экономика; санариптештирүү; аялдардын лидерлиги; Кыргызстан.

**STATE POLICY ON GENDER RELATIONS IN THE KYRGYZ REPUBLIC:
ACHIEVEMENTS, CHALLENGES AND FUTURE DIRECTIONS**

E. V. Rylova

Abstract. The article examines the evolution and current state of gender policy in the Kyrgyz Republic. It analyzes key legal reforms, institutional frameworks, and strategic programs aimed at promoting equality between men and women. Achievements in healthcare, education, economy, and political participation are assessed, along with persisting challenges such as domestic violence, early marriage, and digital inequality. The study outlines future policy directions toward 2030, emphasizing legal improvement, women's economic empowerment, and cultural transformation.

Keywords: gender equality; state policy; violence; early marriage; economy; digitalization; women's leadership; Kyrgyzstan.

Введение. Гендерное равенство признано одним из базовых принципов устойчивого развития, что закреплено в ключевых международных документах, включая Цель устойчивого развития № 5 (ЦУР 5). Для государств с переходной экономикой, включая Кыргызскую Республику, реализация этого принципа сопряжена с особыми сложностями. За 30 лет независимости страна формирует собственную модель гендерной политики, пытаясь сбалансировать советское наследие «равенства полов», возрождающиеся национальные и религиозные традиции и требования международных обязательств.

Контекст Кыргызстана уникален. Смещение советского прошлого с процессами глобализации и усилением патриархальных ценностей в условиях экономических трудностей создает сложную социальную картину. Декларируемые права женщин, закрепленные в Конституции, часто сталкиваются со структурными барьерами, высоким уровнем гендерного насилия и практиками, нарушающими права (включая ранние браки и «ала-качуу»).

В стране создана значительная нормативная база: Конституция закрепляет равноправие полов (ст. 24), приняты профильные законы о гарантиях равенства (2008 г.) [1] и о защите от насилия в семье (2003 г.) [2]. Реализуется уже третья Национальная стратегия по достижению гендерного равенства (до 2030 г.) и действуют институциональные механизмы, такие как Национальный совет по гендерной политике.

Несмотря на наличие формальных институтов, эффективность этой политики, разрыв между законодательством и правоприменением остаются предметом острых дискуссий. **Цель** настоящей статьи – провести комплексный анализ государственной гендерной политики в Кыргызской Республике, выявив ее достижения и системные проблемы.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

1. Проанализировать формирование законодательной базы и институциональных механизмов в их историческом развитии.

2. Исследовать социально-экономическое положение женщин (занятость, образование, цифровизация) на основе статистических данных.

3. Оценить масштабы гендерного насилия и эффективность мер по его предотвращению.

4. Сформулировать выводы об основных барьерах на пути достижения фактического гендерного равенства в стране.

Актуальность проблемы определяется глубокими противоречиями между провозглашенными принципами равенства и фактическим положением женщин в Кыргызской Республике. По данным глобального рейтинга гендерного разрыва (Global Gender Gap Index), в 2024 году страна занимала 90-е место из 146 государств, при индексе 0,700, что ниже среднемирового уровня и существенно отстаёт от Казахстана (62-е место, 0,723) и соседних стран Центральной Азии. Несмотря на частичное улучшение позиций по сравнению с 2021 годом (108-е место), сохраняются структурные барьеры – низкое участие женщин в экономике и политике, высокий уровень насилия и неравный доступ к ресурсам [3].

По данным Всемирного банка, в 2024 году уровень участия женщин в рабочей силе составил 53 %, тогда как среди мужчин – 78,6 %. Только 32,3 % женщин являются наёмными работниками против 64,3 % мужчин, а 28 % женщин заняты в сельском хозяйстве (у мужчин – 17,8 %). Средняя заработная плата женщин составляет 72–74 % от зарплаты мужчин, а в некоторых секторах – менее 70 %. Эта диспропорция отражает профессиональную сегрегацию и ограниченные возможности карьерного роста. Финансовая инклюзия остаётся крайне низкой: лишь 20,4 % женщин имеют банковские счета против 73,4 % мужчин, что ограничивает участие в финансовой и предпринимательской деятельности. Вместе с тем в 2024 году более 142 тыс. женщин получили кредиты для бизнеса – 48 % всех микрозаймов, что свидетельствует о росте женского предпринимательства [4].

В сфере здравоохранения наблюдается положительная динамика: коэффициент материнской смертности снизился с 70 до 42 случаев на 100 000 живорождений (2021–2023 гг.). Однако высокий уровень подростковой рождаемости – 28,3 на 1000 девочек 15–19 лет – указывает на сохранение рисков ранних браков и недостаток репродуктивного просвещения [5].

По данным UN Women, 16,8 % женщин вступили в брак до совершеннолетия, а 9,5 % – до 15 лет. В образовании сохраняется почти полный гендерный паритет в начальной и средней школе, однако женщины недостаточно представлены в высшем техническом образовании: лишь 31,3 % выпускниц обучаются на STEM-программах, что снижает их конкурентоспособность на рынке труда [6].

Домашнее насилие остаётся одной из самых острых социальных проблем. В 2024 году зарегистрировано 14 293 случая, что на 37 % больше, чем годом ранее. Около 82 % пострадавших – женщины. Ранние и принудительные браки, включая «ала качуу», по-прежнему распространены: около 20 % браков заключаются путём похищения. Из 560 зарегистрированных случаев в 2021 году до суда дошли только 82, что отражает безнаказанность и социальное давление. Несмотря на законодательный запрет, практика продолжается в условиях патриархальных норм и стигматизации жертв [7].

Цифровой разрыв усиливает социальное неравенство. Доступ к интернету имеют лишь 38,2 % населения, а женщины в сельских районах сталкиваются с ограниченным доступом к устройствам и низкой цифровой грамотностью. При этом 53,1 % пользователей соцсетей – женщины, но их участие в цифровой экономике и онлайн-бизнесе остаётся минимальным [8].

В политической сфере введение гендерных квот способствовало увеличению представительства женщин: 21,1 % мест в Жогорку Кенеше и 43 % мандатов в местных кенешах занимают женщины. Тем не менее реальное влияние остаётся ограниченным: женщин-министров менее 15 %, а в силовых структурах и дипломатии они практически отсутствуют. Усиление законодательных барьеров, включая закон об «иностранных представителях» (2024 г.), осложняет работу НПО, предоставляющих поддержку жертвам насилия и продвигающих реформы [9].

Культурный контекст остаётся амбивалентным. Кыргызстан находится на пересечении трёх тенденций: советского наследия, неорационализма и глобальной интеграции. Возрождение религиозных и национальных практик, с одной стороны, укрепляет идентичность,

а с другой – сдерживает модернизацию гендерных отношений. Преодоление этих противоречий требует сочетания законодательных мер с просветительскими и образовательными программами, направленными на формирование новой культуры равноправия.

Таким образом, анализ социально-экономических и демографических индикаторов показывает, что, несмотря на прогресс в законодательстве, здравоохранении и образовании, сохраняются значительные структурные барьеры для достижения гендерного равенства. Противоречие между нормативными установками и культурной практикой требует усиления государственной политики, межсекторального взаимодействия и комплексного подхода, включающего правовые, образовательные и культурные меры.

Материалы и методы исследования. Исследование имеет междисциплинарный характер и основано на сочетании количественных и качественных подходов. Его методологическая основа включает анализ нормативно-правовых документов, статистических данных и экспертных оценок:

1. Законодательные и международные акты.
2. Статистические источники. Использованы.
3. Научные и аналитические публикации.

Методы анализа.

- *Юридический анализ* – сопоставление национального законодательства с международными стандартами.
- *Статистический анализ* – расчёт долей, коэффициентов и динамики по ключевым индикаторам.
- *Контент-анализ* – исследование нормативных актов, стратегий и публичных дискурсов.
- *Кейс-стади* – рассмотрение конкретных примеров насилия, участия женщин в политике и реализации социальных проектов.

Основные результаты и обсуждение. Историческая эволюция государственной политики в сфере гендерных отношений отражает сложное взаимодействие между советским наследием, переходным периодом и современными реформами. В советскую эпоху женщины Кыргызстана имели доступ к образованию, труду и политике, однако равенство оставалось

формальным: сочетание оплачиваемой занятости и домашней нагрузки создавало феномен «двойного труда». После обретения независимости (1991 г.) экономический кризис и сокращение социальной инфраструктуры привели к снижению женской занятости почти вдвое; многие женщины вернулись к домашнему труду или миграции. Одновременно возродились традиционалистские установки – ранние браки, религиозные практики, ала качуу [10].

В 1996 г. был создан Государственный комитет по семье, женщинам и молодёжи, а год спустя ратифицирована Конвенция CEDAW. Программа «Аялзат» (1996–2000) заложила основу институциональной гендерной политики, акцентируя образование и экономическую самостоятельность женщин. Поворотным этапом стало принятие в 2003 г. законов «Об основных гарантиях равных прав и возможностей для мужчин и женщин» и «О социально-правовой защите от насилия в семье». Они впервые закрепили понятие дискриминации по признаку пола и признали семейное насилие уголовным правонарушением. Однако реализация норм столкнулась с проблемами: отсутствовали бюджеты, подготовка кадров и статистический учёт. Значительная часть обращений прекращалась, а жертвы не получали защиты. Закон не охватывал все формы насилия и не предусматривал реабилитацию правонарушителей, что ограничивало эффективность правоприменения [10].

В 2007 г. были введены гендерные квоты: партии обязаны включать не более 70 % представителей одного пола и чередовать кандидатов через каждые три позиции. Это повысило долю женщин в парламенте с 0 % (2005 г.) до 25 % (2009 г.), а к 2024 г. на местном уровне женщины получили 43 % мандатов против 9 % в 2019 г. Созданы гендерные фокальные точки в министерствах, внедрена обязательная экспертиза законопроектов и разработаны трёхлетние национальные планы действий. К 2025 г. более 90 % нормативной базы для продвижения равенства утверждено, но реализация тормозится нехваткой финансирования и кадров [11].

После завершения *Стратегии гендерного равенства 2012–2022* в 2022 г. утверждена новая Национальная стратегия до 2030 г., выделяющая

пять приоритетов: экономическое расширение возможностей женщин, равный доступ к правосудию, участие в принятии решений, культурно-образовательная политика и гендерное бюджетирование. Национальный план 2022–2024 гг. включает 54 индикатора, охватывающих министерства и муниципалитеты [12].

Кыргызстан последовательно принимает международные обязательства. В 2024 г. страна ратифицировала Конвенцию МОТ № 190 о предотвращении насилия и домогательств, что потребовало пересмотра трудового законодательства. Новый Трудовой кодекс 2025 г. отменил запрет на ряд профессий для женщин и закрепил гарантии безопасности труда. В 2024–2025 гг. приняты поправки в уголовное законодательство, усилившие ответственность за похищение невест и принудительные браки, расширившие понятие преследования и увеличившие сроки ареста за домашнее насилие до 14 суток. В апреле 2025 г. дополнительно ужесточено наказание за сексуальные преступления против женщин и лиц с инвалидностью, включая пожизненное заключение [13] (таблица 1).

Динамика показателей подтверждает постепенное институциональное укрепление гендерной политики Кыргызстана и усиление нормативных гарантий равенства. Вместе с тем остаются системные вызовы – недостаточная ресурсная база, неэффективная защита жертв насилия, гендерные стереотипы и цифровое неравенство. Для дальнейшего прогресса необходимы устойчивое финансирование, обучение госслужащих, усиление мониторинга и интеграция гендерных подходов во все отраслевые стратегии.

Институциональные механизмы и участие гражданского общества. Эффективная реализация гендерной политики требует устойчивых институтов и взаимодействия государства, общества и международных партнёров. Координацию осуществляет Министерство труда, социального обеспечения и миграции, в составе которого действует Департамент гендерного развития. Он разрабатывает национальные планы, готовит отчёты по выполнению международных обязательств (включая CEDAW) и обеспечивает межведомственное взаимодействие.

Таблица 1 – Динамика ключевых гендерных показателей в Кыргызской Республике (2005–2025 гг.)

Показатель	2005	2010	2015	2020	2024–2025	Тенденция
Женщины в парламенте (%)	0	23	19	17	21,1	Стабилизация после снижения
Женщины в местных советах (%)	3	7	10	9	43	Резкий рост после реформ 2021 г.
Материнская смертность (на 100 000 живорождений)	77	67	61	50	42	Снижение более чем на 45 %
Женщины в рабочей силе (%)	51	52	54	53	53	Незначительные колебания
Разрыв в оплате труда (%)	33	30	27	26	25–28	Постепенное сокращение
Женщины с банковскими счетами (%)	6	10	14	18	20,4	Рост финансовой инклюзии
Случаи домашнего насилия (ед.)	н/д	5 200	7 800	10 400	14 293	Рост выявляемости
Женщины в ИКТ-секторе (%)	20	24	28	32	36,3	Увеличение участия

Национальный совет по вопросам гендерной политики объединяет представителей парламента, министерств, НПО и международных организаций, утверждает отчёты о реализации стратегии и вырабатывает рекомендации для правительства [14].

В каждом министерстве функционируют гендерные фокальные точки, ответственные за интеграцию гендерных аспектов в отраслевые программы. Например, в экономическом блоке – за внедрение гендерного бюджетирования, в образовательном – за продвижение девочек в STEM-направлениях. Однако специалисты часто сталкиваются с ограниченными ресурсами, высокой текучестью кадров и недостатком полномочий. На уровне местного самоуправления действуют отделы по делам семьи и детей, а также консультанты по вопросам насилия, но их эффективность сдерживается отсутствием постоянного финансирования и устойчивых кадров. В пилотных регионах внедряется практика гендерно ориентированного бюджетирования, позволяющая учитывать потребности мужчин и женщин при распределении муниципальных средств.

Гражданское общество играет решающую роль в продвижении гендерного равенства. Международные партнёры – UN Women, UNDP, USAID, GIZ, EC – поддерживают проекты

по экономическому расширению возможностей женщин, их политическому участию и цифровой грамотности. В 2025 году UN Women совместно с UNFPA и Нацстаткомом запустили опрос «Благополучие и безопасность женщин», направленный на получение репрезентативных данных о распространённости насилия и факторах уязвимости. К участию привлечено более 30 представителей государственных и общественных структур [4].

НПО проводят просветительские кампании против ранних браков и «ала качуу», обучают школьников и родителей. Кампания #alljobs4allwomen добилась отмены списка запрещённых профессий для женщин, а организации «Бир Дуйно» и «Равенство» продвигают права женщин с инвалидностью и участвуют в разработке законодательства о сексуальном насилии. Однако деятельность гражданского общества осложняется принятием закона об «иностранных представителях» (2024 г.), усиливающего контроль над НПО, что создаёт риск ограничения независимости правозащитного сектора [5].

Кыргызстан активно сотрудничает с международными институтами. Программы UN Women и UNDP направлены на укрепление лидерского потенциала женщин, развитие предпринимательства и устранение цифрового

неравенства. В рамках инициативы *Empowering Equality* ведётся модернизация системы гендерной статистики. Международная организация труда (МОТ; ILO) оказывает техническую поддержку в реализации Конвенции № 190 (об искоренении насилия и домогательств в сфере труда), обучая профсоюзы и работодателей методам предотвращения насилия. ЕС финансирует подготовку *Country Gender Equality Profile* и новые проекты в сфере защиты прав женщин. Это сотрудничество обеспечивает доступ к ресурсам, технологиям и опыту, однако его устойчивость зависит от политической воли и стабильности институциональной среды [4].

Институциональная система гендерной политики Кыргызстана сформирована и развивается в направлении межведомственной координации, локального внедрения и международного партнёрства. Однако сохраняются структурные барьеры – недостаток финансовых ресурсов, нормативные пробелы и давление на НПО. Укрепление институциональных основ и поддержка гражданского сектора являются ключевыми условиями устойчивости гендерных реформ.

Достижения государственной политики. Несмотря на сохраняющиеся противоречия и структурные барьеры, гендерная политика Кыргызской Республики принесла заметные результаты в сфере здоровья, образования, политического участия, экономики и цифровизации. Значимые достижения свидетельствуют о постепенном укреплении институциональной базы и о влиянии международных инициатив на формирование устойчивых механизмов равенства.

В сфере здравоохранения наблюдается существенное снижение материнской смертности – с 70 случаев на 100 000 живорождений в 2021 году до 42 – в 2023 году, что стало результатом модернизации акушерской службы, развития перинатальных центров и полного охвата родов медицинским персоналом. Программы UNFPA по снабжению акушерскими наборами и подготовке специалистов в регионах снизили риск осложнений. Детская смертность за этот период уменьшилась почти вдвое, а профилактика онкологических заболеваний и репродуктивное просвещение улучшили показатели здоровья женщин [15].

В образовании достигнут почти полный гендерный паритет: уровень женской грамотности превышает 99 %, а охват высшим образованием среди девушек достиг 71,6 %. Государство активно развивает профессиональное обучение и дуальные программы, однако доля женщин в STEM-направлениях остаётся низкой (31 %). Для преодоления барьеров проводятся олимпиады по робототехнике, курсы программирования и грантовые инициативы. Программа UNDP *Digital Skills for Women* позволила сотням девушек из регионов получить цифровые компетенции и возможность удалённой занятости [16].

Политическое участие женщин демонстрирует устойчивый рост. После введения гендерных квот доля женщин в парламенте в 2024 году составила 21,1 %, а в местных кенешах – 43 %. Женщины возглавляют парламентские комитеты, участвуют в формировании бюджета и развитии социальной политики. Расширяется их представительство в судебной системе: в Верховном суде около трети судей – женщины, в Конституционном – две из семи. Программа по развитию женского лидерства, реализуемая совместно с UNDP и UN Women, готовит кандидатов к участию в выборах и укрепляет навыки лидерства [5].

Существенные успехи достигнуты в правовой сфере.

Новый Уголовный кодекс Кыргызской Республики усилил наказание за похищение невест, а поправки 2025 года увеличили срок административного ареста за насилие в семье, ввели электронный мониторинг и коррекционные программы для правонарушителей. Исключена возможность примирения в делах об изнасиловании и условных сроках за сексуальные преступления против детей. Создан центр «одно окно» для жертв насилия, где оказывают медицинскую, юридическую и психологическую помощь. Ратификация Конвенции МОТ № 190 и новый Трудовой кодекс, вступивший в силу в конце января 2025 г., отменили список запрещённых профессий, расширив доступ женщин к техническим и производственным отраслям. Это повысило их мобильность и сократило сегрегацию на рынке труда [7].

В экономике наблюдается рост женской активности и предпринимательства. Женщины

составляют 53 % рабочей силы, а в 2024 году получили 48 % всех микрокредитов для бизнеса (142 тыс. из 294 тыс.). Государственные и банковские программы способствуют обучению финансовой грамотности, снижению процентных ставок и расширению доступа к капиталу. Программа «Женщины в бизнесе» включает гранты, наставничество и продвижение продукции на внутреннем и внешнем рынках, а женские кооперативы в агросекторе усиливают роль женщин в развитии сельских территорий [8].

Цифровая трансформация также способствует гендерной инклюзии. За последние годы доля женщин в ИКТ-секторе выросла с 28 до 36 %, а с 2025 года действует онлайн-платформа *Digital Kyrgyzstan for Women*, предоставляющая курсы, менторство и вакансии. Расширяется сеть IT-центров и компьютерных классов в регионах. Активное присутствие женщин в социальных сетях (53,1 % пользователей) используется для продвижения их инициатив и малого бизнеса. Важным шагом стало развитие гендерной статистики. Национальный статистический комитет совместно с UN Women и UNFPA внедряет международные стандарты мониторинга, включая опрос «*Благополучие и безопасность женщин*» (2025 г.). Создание единой базы данных, обучение статистиков и регулярные публикации отчётов обеспечивают основу для научно обоснованной политики [9] (таблица 2).

Таким образом, результаты последнего десятилетия подтверждают позитивную динамику: укрепление законодательных гарантий, рост участия женщин в экономике и политике, а также улучшение здоровья и образования. Кыргызстан демонстрирует поступательное движение к равенству, хотя сохраняются вызовы – гендерные стереотипы, неравный доступ к ресурсам и слабая региональная инфраструктура.

Дальнейшее развитие возможно при условии последовательного финансирования, межведомственной координации и расширения партнёрства с гражданским обществом и международными организациями.

Основные проблемы и вызовы. Несмотря на достигнутые успехи, государственная гендерная политика Кыргызстана сталкивается с рядом структурных, институциональных и культурных барьеров, которые препятствуют устойчивому равенству. Домашнее насилие остаётся одной из самых острых проблем: в 2024 году зафиксировано 14 293 случая, что на 37 % больше, чем годом ранее; при этом 82 % жертв – женщины. Более половины обращений в кризисные центры связано с насилием в семье, а большинство дел не доходят до суда. Экономическая зависимость, страх общественного осуждения и недостаток доверия к полиции приводят к тому, что женщины часто возвращаются к агрессорам [2]. Хотя новые поправки ужесточили наказания и ввели электронный надзор, инфраструктура кризисных центров остаётся слабой: на всю страну действует менее тридцати убежищ, большинство из которых существуют на грантовой основе. Особенно уязвимы женщины с инвалидностью, для которых отсутствует адаптированная система правосудия и психологической поддержки.

Проблема ранних и принудительных браков сохраняет масштаб. По оценкам, до 20 % браков заключаются путём похищения невест, а 12,9 % женщин 20–24 лет вступили в брак до 18 лет. Подростковая рождаемость составляет 28,3 %, что указывает на отсутствие репродуктивного просвещения. Несмотря на уголовную ответственность за «ала качуу», большинство дел прекращается под давлением семей. Религиозные лидеры нередко проводят «никах» без официальной регистрации, что лишает женщин

Таблица 2 – Изменение ключевых индикаторов гендерного развития (2015–2025 гг.)

Индикатор	2015	2020	2025	Изменение
Материнская смертность (на 100 000 живорождений)	61	50	42	–31 %
Женщины в парламенте (%)	19	17	21	+2 п.п.
Женщины в местных кенешах (%)	10	9	43	+33 п.п.
Женщины с банковским счётом (%)	14	18	20,4	+6,4 п.п.
Женщины в ИКТ (%)	28	32	36,3	+8,3 п.п.

правового статуса. Ранние браки особенно характерны для сельских районов и связаны с бедностью, низким уровнем образования и отсутствием альтернатив [17].

Экономическое неравенство остаётся устойчивым. Женщины зарабатывают в среднем 72–74 % от доходов мужчин и сосредоточены в низкооплачиваемых отраслях – образовании, здравоохранении и социальной сфере. Только 32,3 % женщин работают по найму, а значительная часть занята в неформальном секторе без соцзащиты. Женщины владеют 14 % домохозяйств, и лишь пятая часть имеет банковский счёт. Отмена списка запрещённых профессий в новом Трудовом кодексе расширила возможности трудоустройства, но доступ к высокооплачиваемым отраслям остаётся ограниченным из-за отсутствия переподготовки и гендерных стереотипов [18].

Политическое представительство женщин всё ещё недостаточно. Квоты повысили численность депутатов, но не обеспечили реального влияния на принятие решений: женщины часто занимают второстепенные позиции в партиях, сталкиваются с сексизмом и нехваткой финансовых ресурсов. На уровне исполнительной власти их доля не превышает 15 %, а руководящие посты в регионах остаются преимущественно мужскими. Для устойчивого лидерства необходимы программы наставничества, поддержка кандидаток на выборах и вовлечение мужчин в продвижение равенства [19].

В образовании сохраняется горизонтальная сегрегация: большинство девушек выбирают гуманитарные и педагогические специальности, тогда как доля выпускниц STEM-программ составляет 31 %. В здравоохранении сохраняются проблемы подростковой медицины и доступа к репродуктивным услугам. Цифровой разрыв усугубляет социальное неравенство: лишь 38,2 % населения имеют постоянный доступ к интернету, а женщины из сельских районов ограничены в пользовании цифровыми устройствами. Хотя 53,1 % пользователей соцсетей – женщины, цифровые навыки и участие в онлайн-бизнесе остаются низкими [20].

Социально-культурные стереотипы продолжают определять восприятие роли женщины как

матери и хранительницы домашнего очага. Эти установки поддерживаются не только традициями, но и религиозными и образовательными структурами. Девушек нередко отговаривают от карьеры в политике, IT или науке, считая их «мужскими» профессиями. Разрыв между нормой и практикой формирует «культуру молчания»: женщины редко обращаются за защитой, чтобы не дискредитировать семью. Преодоление этих установок требует долгосрочной просветительской работы с общинами, духовенством и средствами массовой информации.

Дополнительный вызов представляет ограничение гражданских свобод. Закон КР «О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики “О некоммерческих организациях”» (закон «Об иностранных представителях») 2024 года ужесточил требования к НПО, получающим зарубежное финансирование, что поставило под угрозу работу женских организаций и кризисных центров. Часть структур вынуждена была приостановить деятельность, сократив масштабы помощи пострадавшим. Сужение гражданского пространства снижает эффективность международных программ и риск отката ранее достигнутых результатов.

Направления дальнейшего развития государственной политики. Для достижения целей Национальной стратегии по гендерному равенству до 2030 года и перехода от формального равноправия к реальному паритету требуется комплексный подход, охватывающий законодательную, экономическую, образовательную и культурную сферы. Государственная политика должна опираться на принципы устойчивости межведомственной координации и участия гражданского общества.

Первостепенной задачей является укрепление правовой базы. Требуется обеспечить устойчивое финансирование кризисных центров и убежищ, внедрить систему электронного мониторинга домашних правонарушений и обязательные коррекционные программы для агрессоров. Следует исключить практику примирения по делам о сексуальном и домашнем насилии, а следственные органы должны работать совместно с психологами и социальными службами. Законодательство нуждается

в расширении – особенно в части защиты женщин с инвалидностью, предотвращения stalking и кибернасилия. Необходим также диалог с религиозными лидерами для предотвращения ранних браков и легитимации женских прав в культурно приемлемых формах.

Экономическое расширение возможностей женщин (empowerment) требует внедрения гендерно ориентированного бюджетирования на всех уровнях управления и реформы системы оплаты труда в традиционно «женских» отраслях. Женское предпринимательство должно поддерживаться микрокредитами, льготными ставками, бизнес-инкубаторами и обучением финансовой грамотности. Особое внимание необходимо уделить сельским регионам, где женщины чаще лишены доступа к земле, воде и кредитам. Расширение их имущественных прав и вовлечение в кооперативное производство усилит экономическую самостоятельность и устойчивость домохозяйств.

Для укрепления политического участия важно не только повышать квоты до 40 %, но и гарантировать представительство женщин в проходных частях списков и на руководящих должностях. Необходимо развивать школы женского лидерства, менторские программы, медийные кампании против сексизма и позитивное освещение женских инициатив в СМИ. Следует рассмотреть возможность государственного финансирования кампаний женщин-кандидатов и включения гендерных критериев в систему оценки госслужащих.

Развитие образования и цифровой грамотности становится стратегическим направлением. Важно стимулировать участие девушек в STEM-науках через гранты, олимпиады и наставничество. Расширение цифрового доступа в сельских школах, создание мобильных лабораторий и общественных курсов для женщин старшего возраста обеспечит инклюзию в цифровую экономику. Государство должно одновременно противодействовать кибернасилию, формируя правовые механизмы защиты онлайн-пользовательниц.

Культурная трансформация требует последовательной работы с общественными установками. Нужно формировать новые

модели гендерной социализации через диалог с традиционными лидерами, вовлечение мужчин и мальчиков, а также развитие медийных проектов, показывающих примеры женского лидерства. Включение родителей в семейное просвещение позволит разрушить установки, поддерживающие ранние браки и неравенство в распределении домашних обязанностей.

Наконец, укрепление гендерной статистики и исследовательской базы необходимо для объективного мониторинга политики. Следует ежегодно публиковать гендерно-разделённые данные по всем ключевым показателям и интегрировать академические исследования в систему государственной отчётности. Поддержка университетских гендерных центров и грантов для молодых исследователей обеспечит устойчивое производство знаний, необходимых для корректировки программ.

Таким образом, дальнейшее развитие государственной политики в сфере гендерного равенства должно основываться на комплексном и межсекторном подходе, соединяющем правовую реформу, социально-экономические преобразования, образовательные инициативы и культурную модернизацию. Кыргызстан обладает институциональной базой и международной поддержкой, однако успех до 2030 года будет зависеть от последовательного финансирования, мониторинга и вовлечённости всех уровней власти и общества. Реализация обозначенных мер позволит перейти от формального равенства к подлинному социальному партнёрству полов, обеспечивая устойчивое развитие и укрепление демократических ценностей.

Заключение. Анализ государственной политики в сфере гендерных отношений в Кыргызской Республике показывает, что за последние три десятилетия были достигнуты значительные успехи, но сохраняются серьёзные вызовы. Конституционные нормы и международные обязательства заложили правовую основу для равенства полов. Принятие законов о равных правах и возможностях, об охране от семейного насилия, введение гендерных квот и ратификация Конвенции МОТ № 190 укрепили нормативную базу. Национальные стратегии и планы действий определяют приоритеты развития, а создание

гендерных структур в министерствах и муниципалитетах свидетельствует об институционализации этой политики. Среди достижений – снижение материнской смертности до 42 на 100 000 живорождений, рост женского участия в политике, расширение доступа к образованию и рост числа женщин в ИКТ-секторе, отмена списков запрещённых профессий и ратификация Конвенции № 190. Развитие женского предпринимательства, гендерной статистики и внедрение гендерного бюджетирования свидетельствуют о системных переменах.

Однако проблемы остаются глубоки: растёт домашнее насилие, ранние браки и «ала качуу» продолжают нарушать права женщин и девочек; гендерный разрыв в оплате труда и доступе к ресурсам сохраняется; женщины по-прежнему недостаточно представлены на руководящих должностях; цифровой разрыв и низкий уровень STEMобразования ограничивают возможности для участия в новой экономике; патриархальные стереотипы мешают реализации прав и свобод. Усиление контроля государства над НПО и ограничение гражданских свобод могут замедлить достижения, поскольку гражданское общество является важным двигателем изменений.

Для устойчивого развития необходимы комплексные меры: усиление правоприменения, расширение экономических прав и доступ к ресурсам, поддержка женского лидерства, развитие образования и цифровых навыков, культурная трансформация и систематическое ведение гендерной статистики. Только при взаимодействии государства, гражданского общества, международных партнёров и самих женщин возможно построить общество, в котором гендерное равенство станет реальностью, а не только декларированной целью. Реализация предложенных рекомендаций позволит Кыргызстану продвигаться к Целям устойчивого развития и стать примером для других стран региона.

Поступила: 01.12.2025;

рецензирована: 15.12.2025; принята: 17.12.2025.

Литература

1. Закон Кыргызской Республики от 4 августа 2008 г. № 184 «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин». Текст: электронный. URL: https://cawater-info.net/bk/oficial_doc/kyrgyzstan/kyrlaw2008-184.pdf (дата обращения: 30.10.2025).
2. Закон Кыргызской Республики от 25 марта 2003 года № 62 «О социально-правовой защите от насилия в семье». Текст: электронный // Human Rights Watch: World Report. 2025. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2025/country-chapters/kyrgyzstan> (дата обращения: 30.10.2025).
3. CountryEconomy. Global Gender Gap Index: Kyrgyzstan (данные 2024). Текст: электронный. URL: <https://countryeconomy.com/demography/global-gender-gap-index/kyrgyzstan> (дата обращения: 30.10.2025).
4. World Bank. Kyrgyz Republic: Gender Data Landscape (Fall 2025 edition). Текст: электронный. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099125407012219172/pdf/IDU0b3eeea350c71004d9f0bf490e07a24f63c12.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).
5. Macrotrends. Kyrgyz Republic – Maternal Mortality Rate (MMR), 2023. Текст: электронный. URL: <https://www.macrotrends.net> (дата обращения: 30.10.2025).
6. UN Women Data Hub. Country Fact Sheet – Kyrgyzstan (обновляемая страновая страница, 2025). Текст: электронный. URL: <https://data.unwomen.org/country/kyrgyzstan> (дата обращения: 30.10.2025).
7. Human Rights Watch. World Report 2025: Kyrgyzstan (раздел Gender-Based Violence). Текст: электронный. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2025/country-chapters/kyrgyzstan> (дата обращения: 30.10.2025).
8. DataReportal. Digital 2025: Kyrgyzstan. Текст: электронный. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-kyrgyzstan> (дата обращения: 30.10.2025).
9. Кыргызстан. Конституционный закон Кыргызской Республики от 02 июля 2011 года «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» (с изм. и доп.). Текст: электронный. URL: <https://sta.kg/wp-content/uploads/2023/02/rus-final-research-report-on-vwip-kyrgyzstan-2022.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).
10. Рыскулова К. Гендерная политика Кыргызстана: достижения и проблемы / К. Рыскулова, И.Д. Култаева // CyberLeninka. 2024. Текст: электронный. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 30.10.2025).

11. Национальный добровольный обзор достижения Целей устойчивого развития (НДО). 2025 / Кабинет Министров Кыргызской Республики. Текст: электронный. URL: <https://www.mineconom.gov.kg> (дата обращения: 30.10.2025).
12. UN Women – Europe and Central Asia. Press release: «Kyrgyzstan presents preliminary findings and recommendations of the Country Gender Equality Profile». 2025. Текст: электронный. URL: <https://eca.unwomen.org/en/stories/press-release/2025> (дата обращения: 30.10.2025).
13. ILO. Kyrgyzstan ratifies the ILO Violence and Harassment Convention, 2019 (No. 190). 4 июня 2024 г. Текст: электронный. URL: <https://www.ilo.org/resource/news/ilc/112/kyrgyzstan-ratifies-ilo-violence-and-harassment-convention-2019-no-190> (дата обращения: 30.10.2025).
14. UN Women Data Hub; UNFPA; Национальный статистический комитет КР. Опрос «Благополучие и безопасность женщин в Кыргызстане». 2025. Текст: электронный. URL: <https://data.unwomen.org> (дата обращения: 30.10.2025).
15. UNFPA. Maternal Health and Reproductive Rights Programs in Central Asia: Country Updates – Kyrgyz Republic. 2024. Текст: электронный. URL: <https://www.unfpa.org> (дата обращения: 30.10.2025).
16. UNDP. Gender equality in digitalization: key issues for programming. 2021. Текст: электронный. URL: https://files.acquia.undp.org/public/migration/kg/gender_equality_in_digitalization.pdf (дата обращения: 30.10.2025).
17. Human Rights Watch. World Report 2025: Kyrgyzstan (разделы о гендерном насилии и правах женщин). Текст: электронный. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2025/country-chapters/kyrgyzstan> (дата обращения: 30.10.2025).
18. GIZ. Gender Analysis for GIZ Programme «Mineral Resources for Development». 2014. Текст: электронный. URL: <https://genderworks.giz.de/competitions/kyrgyzstan-gender-analysis-for-giz-programme-mineral-resources-for-development/> (дата обращения: 30.10.2025).
19. ADC Memorial; Бир Дуйно – Кыргызстан. Пресс-релиз: «Achievements of the advocating women’s rights in Kyrgyzstan: to be continued». 2025. Текст: электронный. URL: <https://adcmemorial.org> (дата обращения: 30.10.2025).
20. Конституция Кыргызской Республики от 05 мая 2021 года. Принята на референдуме (всенародном голосовании) 11 апреля 2021 г. Текст: электронный // FAOLEX: правовая база ФАО. URL: <https://faolex.fao.org> (дата обращения: 30.10.2025).